

— НЕУЖЕЛИ вы не знаете? Незнакомка живет в Ужгороде.

— Блоковская Незнакомка?! Но разве она была на свете?

— Она была на сцене. Первая и единственная Незнакомка, которую выбрал для роли сам Блок.

Разговор происходит в странном старинном строении, похожем на замок. Сейчас здесь дает спектакли молодежный театр-студия. И о Незнакомке мне рассказывает режиссер театра Виталий Дворцин.

Семь лет назад я уже приезжала в Ужгород. Тогда их было двенадцать, поверивших в свой театр (все — выпускники Ужгородского университета). Они расклеили по городу афиши: «В каждом зрителе пропадает актер». В городе, не избалованном событиями культурной жизни, любительский театр стал оазисом духовности. К нему потянулись люди. У театра не было постоянной сцены, не было даже определенного статуса. Но уже был свой драматург (писатель Феликс Кривин писал для театра пьесу). Были свои художники, композиторы, электрики.

Они трагично на театр свои зарплат, свои вечера и даже ночи... Но это было начало, и оно было ярким, каким бывает только начало. Что с ними стало теперь?

«Жизнь театра пошла вглубь, — рассказывает Дворцин (он, кстати, теперь уже не только врач, но и дипломированный режиссер — закончил заочно Жукинское). — Десятки раз повторял этюды, которых никто никогда не увидит, не очень интересно. Для актеров-любителей — просто тяжело. Но нас спасло то, что ребята всерьез увлеклись студийной работой. Пожалуй, подтолкнула нас к студийности Незнакомка».

Виталий говорит это и убеждает. Занавес! На сцене — Островский, «Доходное место». Я узнаю и не узнаю знакомые лица. Как органично живет на сцене Лев Луцкер! За профессиональных актеров можно принять и токаря завода «Ужгородприбор» Егора Семенова, и сборщицу того же завода Людмилу Виноградову, и художницу Книготорга Елену Каспрович, и инженера-архитектора Валентина Михайленко. Я удивляюсь: как выросло их мастерство. Радуюсь за них. Но и мысль о Незнакомке не оставляет меня.

...Незнакомку зовут Лидия Степановна Панкратова, в девичестве — Ильшенко.

Мы идем к ней с Дворциным сразу после спектакля. Она радуется Виталию. Охотно достает заветную шкатулку, чтобы мы послушали в подлиннике ту музыку, которая только что звучала в «Доходном месте» (ее переписали у Лидии Степановны).

Раздаются нежно-печальные, чистые звуки. «Эта мелодия — «Ноченька», а эта — «Время невозвратное», — кажется, Лидия Степановна улыбается. Я не решаюсь смотреть на нее. Смотрю на маленькую фотографию в строгой оправе, что висит за ее спиной. Конечно же, где-то в книге я снимок видела, потом забыла, но в сознании впечатался именно такой образ Незнакомки. Юная, прекрасная женщина в черном, в глазах которой плывет и «берег очарованный и очарованная даль». И вот Незнакомка — тут, рядом. Но страшно не узнать ее. Время-то невозвратное...

Мелодия отзвучала, и Лидия Степановна поднимается, чтоб водворить шкатулку в

шкаф. Так легко поднимается, идет, и — это можно воспринять, как чудо — у нее прямая, горделивая осанка. Присаживается на диван, начинает расспрашивать Виталия о спектакле, и оживают глаза. Ее глаза! Как могли они не выплывать за всю жизнь? Волосы, хоть и изменившие цвет, остались пышными и эффектно обрамляют лицо, полное достоинства, одухотворенности. Теперь я уже не могу отвести от нее взгляд. Незнакомка сейчас, конечно, другая, но время пощадило ее обаяние. И Тайна осталась в ней.

— С Блоком меня познакомил мой двоюродный брат Андрей Белый на одной из своих лекций в Петербурге. В 1914-м... А с Любовью Дмитриевной я была знакома по студии, мы вместе занимались

жертвенной и любви продажной. «Этот театр действует освежающе, — говорит она. — Молодежь занята истинным искусством».

— Каким я помню Блока? Для нас, молодых, он был «органом зрения и слуха». Само его присутствие в нашем времени делало нас счастливей. Мы называли его не по имени, а — Наш Поэт.

Говорил ли он, молчал, за его человеческим обликом сквозило «нечто другое», будто он прислушивался к жужжащему в нем «голосу песни». Но знаете парадокс? Блок, музыкальнейший из поэтов, был лишен от природы музыкального слуха. Не раз жаловался, что до отчаяния ничего не понимает в музыке. В какой-то анкете рядом с вопросом «Мои любимые композиторы» поставил прочерк. Мне казалось в юности, я убеждена в этом и сейчас, что музыка мира пронизывала его насковзь. И он не отдавал себе отчета, где она звучит — внутри или вне

дет жить вечно, все они, застывшие, оборачиваются к зрителю и шагают вперед.

Спектакль «Разгром» — самый счастливый в судьбе молодежного коллектива. С этим спектаклем кончилась бездомность, беспринадлежность театра. Его взял под свою опеку (узаконил!) завод «Ужгородприбор». Не имея своего клуба, завод снял помещение у треста «Смешторг». Более того, комсомольцы завода за несколько субботников придали этому мрачному помещению вид театра. Парторг завода Игорь Иванович Павлов не пропускает ни одной репетиции. Директор завода Алексей Андреевич Ляшенко посещает все премьеры.

«Новая жизнь, совсем но-

Незнакомка живет в Ужгороде

его. Он сам был тончайшим инструментом, отзывающимся на самый отдаленный зов.

«Среди иных бесчисленных тревог всем сердцем ощутил тревогу века — такой эпиграф выбрал молодежный театр к своей «Антигоне». Лидия Степановна не раз рассказывала им о мейерхольдовской «Антигоне». Мейерхольд проводил репетиции под музыку, а потом убирал ее, но музыка оставалась в жестах, в ритме голосов, в паузах. На генеральную репетицию Мейерхольд пригласил Скрябина, и тот посреди действия вдруг встал и начал пятиться в конец зала. Оказалось, композитор был буквально огушен той самой, «спрятанной» музыкой.

Нет, не пытался, конечно, молодежный театр повторить грандиозный замысел Мейерхольда. Но они нашли свою неожиданную трактовку. Соединили пьесу Ануя с Софоклом. На сцене жили две Антигоны — героическая и лирическая. Лидия Степановна считает, что Дворцин сумел поставить спектакль о цене жертвы и смысле подвига.

— Личные встречи с Блоком? Их было не так уж много. Ну, однажды, к примеру, я приходила в дом Блоков... за страусовыми перьями. Нигде не могла их достать для шляпы Незнакомки, а у Любови Дмитриевны они сохранились со старых времен. Она пригласила меня зайти и завтраку. Блок, в домашней бархатной блузе, был простоя и уютной. Он интересовался студией. Мейерхольдом, потом спросил, читала ли я его «Розу и Крест». Записывая, я стала излагать свое личное мнение о нашедшей тогда драме. Мне казалось, в волнении я совсем запуталась. Но он вдруг сказал жене: «Видишь, Люба, я всегда говорил, что молодежь меня лучше понимает, чем критики».

Когда Блоки переехали на Офицерскую (там был и мой дом), я часто видела его на улице. Особенно запомнилась одна зимняя встреча. Александр Александрович предложил подвести меня на извозчике. Шел сильный снег, и я почему-то сказала, что этот снег совсем его, блоковский. Он быстро повернулся, и я поразилась муче, застывшей на его лице. Он выглядел как тяжелобольной. У меня выпало: «Александр Александрович, берегите себя. Помните, вы принадлежите всем нам, России». Он ничего не ответил, только благодарно пожал мне руку на прощание. И уехал, по-старчески согнувшись. Это было то тяжелое время, когда он перестал слышать музыку внутри себя, перестал писать стихи.

В спектакле «Разгром» каждый партизан, умирая, не падает, а отходит в глубь сцены и застывает, как монумент. Когда Левинсон говорит, что память о героях бу-

вая жизнь, — повторяет Дворцин. — Мы теперь говорим не только от своего имени, но и от лица тех, кто считает нас своим театром. Особая ответственность».

— Блок не умел быть «теплым», он бывал или горячим, или холодным. Революцию принял всей страстью своего сердца. «Жить стоит только так, чтобы предьявлять безмерные требования к жизни: все или ничего...» Эти строки из его статьи запомнились мне с 1918 года. Тогда мы знали, как мужественно переносит Поэт все лишения, последние свои силы отдает просветительской работе. И хотелось быть достойными его. Мы ездили по заводам и фабрикам, играли по три спектакля в день. Питались пайком черного, мокрого хлеба с солонками, но старались внутренне быть подтянутыми, понимая ответственность перед новым зрителем.

МЫ УХОДИМ от Незнакомки уже за полночь. Дворцин рассказывает по дороге о судьбе Лидии Степановны, о том, сколько труда она положила на организацию новых театров в послевоенном Закарпатье. «Да и сейчас... Ставила с нами пантомиму «Шарф Колумбины». Давала артистам уроки дикции, жеста. Ни одна генеральная репетиция не проходит без нее. Лидия Степановна не только нам, она и Клубу любителей музыки помогает...»

— В городе новый клуб? — Уже пять лет. Помните, у нас был Борис Рыков?

Помню, конечно. Мы пришли к нему поздно, после спектакля. Странным образом, весь театр смог разместиться в одной комнате. Может быть, потому, что в той комнате совсем не было быта, а только полки с пластинками, пленками и даже... портативный орган. (Старый орган собиралось утилизировать одно учреждение. Борис предложил взамен свое собрание редких пластинок. Потом сам отремонтировал инструмент). Он играл нам тогда на органе свои сочинения.

«Да, тот самый Борис Рыков, врач Перечинской больницы. Его музыка стало тесно дома. Клуб любителей музыки приютил у себя Дом медработников. На первый вечер пришло всего 13 человек, теперь бывает и 300», — рассказывает Дворцин.

А я думаю: повезло городу на подвижников...

— Вот, а вы не верили, что Незнакомка живет в Ужгороде.

Теперь мне это кажется вполне естественным.

Л. ГРАФОВА.